

Глава 13

На самом деле, как только Лоу Юй присоединился к разработке сыворотки, сотрудники исследовательского института посоветовали Лоу Цюаню больше не отправлять его на задания.

Но ни Лоу Цюань, ни сам Лоу Юй не согласились.

Первый считал своего сына надёжным и острым клинком, и держать его дома для нарезки овощей было бы непростительной расточительностью. Второй же не желал превращаться в тепличное растение и отсиживаться в безопасности базы, пока его товарищи рискуют жизнями снаружи.

Задание по поиску оборудования тоже было его собственной инициативой.

Примерно в двух днях пути к востоку от базы Юнъань когда-то существовала небольшая база, покинутая после вторжения мутировавших монстров. Эвакуация проходила в спешке, и часть важного исследовательского оборудования, спрятанного в подземелье, так и не успели забрать.

Для Центральной базы эти приборы не имели большой ценности, а другим базам-спутникам они были не нужны, поэтому никто не рисковал отправляться за ними.

Недавно один из отрядов наёмников с базы Юнъань проходил мимо тех мест. Разведка показала, что проход в подземелье уцелел, и, возможно, его содержимое не было уничтожено мутировавшими монстрами.

По счастливому совпадению, исследовательскому институту как раз требовалось некоторое оборудование из того списка, и Лоу Цюань отправил туда людей.

Предназначение этих устройств следовало держать в секрете, поэтому за проверку на въезде в город отвечали люди Лоу Цюаня. Поскольку Лоу Юй, единственный «исходный материал» для исследования, был с ними, из института также прибыло несколько человек.

Увидев в одной из машин тушу добычи, проверяющий широко раскрыл глаза и, не в силах сдержать потрясения, сглотнул слюну.

В последний раз он ел мясо два месяца назад. После новостей о сокращении урожая вся его зарплата уходила на запасы риса, муки и масла. На мясо, цены на которое взлетели до небес, он в супермаркете даже смотреть не решался.

— Вы ещё и на мутировавших монстров по пути охотились? — спросил он у стоявшего рядом Лю Цианя, чьё лицо сияло от радости.

Лю Циань хихикнул.

— Это не мы убили. Нам подарили.

— Что? — растерянно переспросил проверяющий.

Стоявший рядом с Лю Цианем парень не выдержал и громко выпалил:

— Это Снежная птица подарила капитану Лоу!

— Что?! — Проверяющий окончательно впал в ступор. Он вроде бы понимал слова, но смысл от него ускользал.

Улыбка Лю Цианя стала ещё шире. Его распирало желание поделиться новостью, и он выглядел так, будто добычу подарили ему самому.

Он по-свойски приобнял проверяющего за плечи и, стараясь казаться таинственным, намеренно громко произнёс:

— Этот секрет я доверяю только тебе, так что никому больше не говори...

Их оживлённый разговор давно привлёк внимание остальных. Услышав эти слова, все, кто не понимал, что происходит, дружно наостригли уши.

Лоу Юй лишь безнадёжно покачал головой и, улыбнувшись озадаченным исследователям, жестом показал не обращать внимания на суету. Затем, понизив голос до серьёзного тона, сказал:

— Кроме оборудования, мы нашли в подвале некоторые документы. Думаю, их содержимое вас очень заинтересует.

Несколько исследователей, отвлекшихся было на громкий голос Лю Цианя, мгновенно переключили всё своё внимание обратно на Лоу Юя.

Все они были неглупыми людьми и быстро поняли, на что он намекает.

Единственное, что могло их сейчас заинтересовать, — это...

— Неужели... — начал старый доктор Ли, возглавлявший группу.

Лоу Юй кивнул.

Все как один затаили дыхание. Улов команды Лоу Юя в этой вылазке оказался невероятно богатым!

Не прошло и полдня, как весть о том, что Снежная птица преподнесла Лоу Юю в дар целую тушу, разнеслась по большей части базы.

Кто-то сомневался в правдивости слухов, кто-то восхищался удачей Лоу Юя, а кто-то уже выяснял, не собирается ли он продавать мясо мутировавшего монстра...

База гудела, словно на Новый год. На фоне такой сенсационной новости то, что именно команда Лоу Юя привезла с задания, уже никого не волновало.

Из-за этого шпионам на базе стало гораздо труднее собирать информацию. К тому же, благодаря жёстким мерам защиты со стороны Лоу Цюаня, из исследовательского института не просочилось ни единого слуха.

Всем лазутчикам пришлось возвращаться ни с чем.

В то время как база Юнъань бурлила, словно кипящее масло, в которое плеснули воды, в мире Тао Цю всё оставалось по-прежнему спокойным.

Вернувшись с охоты, он проверил гнездо и с облегчением обнаружил, что температура почти не упала.

Он нежно погладил три яйца и с улыбкой проговорил:

— Простите, сегодня встретил вашего второго папу, отдал ему кое-что в подарок, вот и задержался. Не сердитесь на меня, хорошо?

Закончив, он с плутовской ухмылкой добавил:

— Впрочем, вы ещё не вылупились, так что, даже если рассердитесь, ничего мне не сделаете. Папочка-то у вас не промах.

Если бы трое птенцов благополучно родились и жили в мирное время, они бы наверняка жаловались в интернете: «Наш папа всем хорош, вот только рот у него есть».

Спустя несколько дней, отправившись на охоту, Тао Цю наткнулся на новое для себя растение — куст помидора.

Он уже полностью сформировался, но ещё не зацвёл. Тао Цю аккуратно выкопал его вместе с землёй и пересадил в свой маленький огородик, рядом с новой партией диких ягод.

Он полил помидор и подпитал его энергией своей способности, искренне надеясь, что тот приживётся. Ему до смерти хотелось попробовать новые овощи и фрукты.

К счастью, растения в эту эпоху обладали поразительной живучестью. С помощью энергии способности куст помидора погрузил всего полдня, а затем вновь воспрянул духом и даже начал расти быстрее.

Время летело незаметно. С того момента, как он съёл три яйца, прошёл уже месяц.

В тот день Тао Цю, полив огород, вернулся в пещеру и улёгся в гнездо, чтобы продолжить высиживание. Однако, откинув маленькое одеяльце, он увидел, что одно из яиц движется.

Он тут же понял: птенец готовится вылупиться.

Тао Цю впервые в жизни наблюдал, как живое существо пробивается из скорлупы, и к тому же это был его собственный ребёнок. Сердце его забило от волнения.

Он замер, глядя на яйцо, и даже затаил дыхание, боясь, что малейший шум спугнёт птенца обратно.

В пещере воцарилась тишина, нарушаемая лишь лёгким треском проклёвываемой скорлупы.

Тао Цю где-то слышал, что для яйцекладущих животных лучше всего, когда детёныш вылупляется сам. Это означало, что он здоров и силен, и его шансы на выживание выше.

Поэтому, как бы сильно ему ни хотелось помочь, он боялся навредить птенцу. Он лишь напряжённо следил за процессом, готовый вмешаться, если помощь действительно понадобится.

Но первый птенец, очевидно, в помощи не нуждался. Примерно через час верхняя часть скорлупы была проклёвана по кругу, и было ясно, что малыш скоро появится на свет.

Воспользовавшись моментом, Тао Цю подтащил поближе добычу. Он не знал, как у других

птиц, но по своим воспоминаниям помнил, что после вылупления родители первым делом накормили его мясом.

В этот миг он был благодарен судьбе, что его дети — птенцы, а не человеческие младенцы. Иначе где бы он сейчас искал для них молоко?

Ещё минут через двадцать скорлупа поддалась, и из неё показалась мокрая чёрная головка.

Тао Цю был удивлён. Его старший детёныш вылупился уже покрытым пухом, а не голым и незащищённым, как он себе представлял.

Может, все птицы этой эпохи такие, или это особенность только его вида?

У Тао Цю не было ни братьев, ни сестёр, и он никогда не видел, как вылупляются другие птенцы. Недостаток опыта давал о себе знать.

Птенец ещё не открыл глаза и не издал ни звука. Он лишь повертел головой, привыкая к воздуху снаружи, а затем откинулся назад и выбрался из скорлупы, в которой находилась нижняя часть его тельца. Вся его маленькая фигурка теперь лежала в гнезде из сухой травы.

Тао Цю поспешно переложил птенца в заранее согретое маленькое гнёздышко из перьев, чтобы тот не замёрз, а затем поднял его на ладонях на уровень глаз, чтобы рассмотреть получше.

Появление на свет новой жизни наполнило его сердце восторгом. Глаза его сияли, а с губ не сходила улыбка. Глядя на тихого птенца, восстанавливающего силы, он чувствовал, как тает от нежности.

Поскольку птицы их вида были крупными, даже новорождённый птенец был размером с добрую половину ладони Тао Цю — никак не назовёшь крошечным. Но это ничуть не мешало ему умиляться.

Да, именно «ему». Птенец был самцом. Тао Цю проверил это, когда перекалывал его в гнёздышко. Он и сам был самцом и прекрасно знал, как они устроены.

Глядя на угольно-чёрный, без единого светлого пятнышка пух, Тао Цю подумал, что этот пошёл в своего второго отца — у того мужчины волосы были такими же чёрными, как безлунная ночь.

Через некоторое время птенец набрался сил. Вероятно, почувствовав присутствие Тао Цю, он повернул голову в его сторону и запищал.

Он проголодался и просил еды.

Птенец вылупился так внезапно, что Тао Цю, увлечённый наблюдением, не успел подготовить еду. Недолго думая, он принял свою птичью форму, уменьшившись в размерах, и клювом отщипнул самый нежный кусочек мяса от туши, разделил его на мелкие части и вложил в клюв птенца.

Получив еду, птенец замолчал.

Хотя он только что вылупился, его размеры и аппетит были поразительными. Он съел почти половину своего веса.

Тао Цю кормил его довольно долго, пока птенец наконец не перестал открывать клюв. Он повернул голову, устроился поудобнее и вскоре затих, видимо, уснул.

Поел и уснул — совсем как человеческий младенец.

Наблюдать, как спит птенец, да ещё и собственный ребёнок, было для Тао Цю в новинку. Даже когда малыш уснул, он не опустил гнёздышко, не сводя с него глаз, словно пытаюсь пересчитать каждую пушинку на его теле.

Через час птенец проснулся и снова начал поднимать голову и открывать клюв, требуя еды.

Тао Цю сам прошёл через эту стадию, поэтому знал некоторые особенности их вида, например, прямой кишечник — в самом что ни на есть биологическом смысле.

У взрослых птиц это было не так заметно, но у маленьких птенцов эта особенность проявлялась особенно ярко.

Поэтому перед кормлением он перенёс птенца из гнезда. Как и в прошлый раз, после того как он накормил его кусочками мяса, птенец через несколько минут выставил попку и сделал свои дела.

Хорошо, что Тао Цю заранее перенёс его, иначе его специально сделанное перьевое гнёздышко было бы испачкано.

Положив птенца обратно в гнездо и убрав за ним, Тао Цю снова улёгся в своё большое гнездо из травы, чтобы одновременно ухаживать за новорождённым и продолжать высидывать оставшиеся два яйца.

Остаток дня прошёл в повторении тех же действий: кормление, наблюдение за птенцом, высиживание...

Маленький птенец быстро проголодался, и его нужно было кормить каждые час-два. Он ещё не понимал, что такое терпение, и действовал инстинктивно: не получив еды, он начинал громко пищать, и этот звук пронзал уши, как сирена.

Ночью Тао Цю просыпался несколько раз. Вздыхая, он гладил птенца.

— Малыш, тебе в будущем можно будет работать будильником.

Птенец молчал, лишь жадно глотал кусочки мяса.

Кое-как, с перерывами, он дотянул до утра. Лицо Тао Цю было измученным, он чувствовал себя разбитым и постоянно зевал.

Способность к самоисцелению могла восстановить физические раны, но против душевной усталости была бессильна.

Единственное, что радовало Тао Цю, — это то, что, когда пух на птенце высох, он стал выглядеть ещё более пушистым и милым.

Его очаровательная внешность успешно смыла всю отцовскую досаду.

Чтобы вознаградить себя за труды, Тао Цю ускорил созревание двух кустов диких ягод. Когда он собрался их есть, как раз пришло время кормить птенца, и он поделился с ним.

Немало, целых три ягодки!

Забросив в рот целую горсть ягод, Тао Цю с наслаждением проглотил их и только потом с важным видом обратился к птенцу:

— Ты ещё маленький, съешь много — живот будет болеть. А я взрослый, мне нужно есть много, чтобы наесться.